

Адвокатский детектив

Наталья Борохова

Звездный час адвоката

«ЭКСМО»

2009

Борохова Н. Е.

Звездный час адвоката / Н. Е. Борохова — «Эксмо»,
2009 — (Адвокатский детектив)

Диана и Ольга дружили всю жизнь, с самого детства. Но закончилась дружба трагически: Ольга Крапивина, опытная альпинистка, погибла – ее сбросили со скалы. А обвинили в убийстве... Диану Данилевскую, ставшую известной писательницей. Упорно ходили слухи, что между закадычными подругами встал мужчина... Адвокат Елизавета Дубровская прилагала все силы, чтобы освободить Диану, но та явно что-то скрывала от своего защитника. Находясь под следствием, Данилевская начала новую книгу – автобиографическую повесть, в которой пообещала раскрыть все тайны. Не закончится ли она признанием в убийстве?..

© Борохова Н. Е., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Борохова

Звездный час адвоката

Глава 1

...Невысокая полная женщина, из тех, о которых принято говорить «в теле», крадучись подобралась к группе громкоголосых журналистов и спряталась за спиной одного из них. Надо сказать, прикрытие было ненадежным. Журналист был тощ, как весенний грач, да плюс к этому еще и неумеренно энергичен. Он громко рассказывал что-то своим коллегам, раскачиваясь туда-сюда на своих длинных ногах, так что из-за его спины попеременно вылезала то необъятная грудь, обтянутая цветастым ситцем, то нескромных размеров зад отважной разведчицы. Но женщине не было до этого никакого дела. Она нашла удобный пункт для наблюдения, и сдвинуть ее с места не смог бы и многотонный буксир. Нетерпеливым жестом она подозвала к себе свою спутницу, тоненькую молодую девушку.

– Вон она! – сказала толстуха, тыча пальцем куда-то в сторону крыльца, где также толпились люди.

– Да где же? Где? – спрашивала девушка, сгорая от нетерпения. – Это та, что в костюме и с портфелем?

– Да нет же! Экая ты, право, бестолковая, – с досадой бросила женщина. – Это ее адвокат. Писательница – другая. Вон та, в темных очках, стоит у стеночки как ни в чем не бывало.

– Так это та, написавшая «Прыжок в бездну»? – ахнула ее молоденькая собеседница, прикрывая рот ладонью.

– А я о чем тебе толкую? Неужели ее трудно узнать?

– Ну, на обложках своих книг она смотрится куда краше!

– Интересно, как бы выглядела ты на ее месте, – насмешливо обронила толстуха. – Она – убийца, детка, а за это, как ни верти, придется отвечать. Поговаривают, что теперь остаток жизни ей придется провести в тюрьме.

– Во всяком случае, ей будет там чем заняться, – пожалала плечами девушка. – Писать книги можно и в неволе. Как ты думаешь, не взять ли мне у нее автограф?

– Ты с ума сошла? – напустилась на нее спутница. – Выбрось это из головы! Не забывай, с кем ты имеешь дело. Ну а если ей это не понравится? Что до меня, я умываю руки.

– Ну, не убьет же меня она? – пожалала плечами девчонка. – Тем более на крыльце Дворца правосудия! Эй, да что с тобой?

– Она смотрит на нас, – прошипела толстуха, тщетно пытаясь как-то замаскироваться за спиной вертлявого журналиста.

И правда, писательница на крыльце сняла очки, и теперь ее темные глаза, непроницаемые, как ненастная ночь, уставились прямо на болтающих зевак. Женщины могли поклясться, что в ее взгляде не было и искорки дружелюбия. Так смотрят на копошащихся на полу тараканов, заноса над ними домашнюю туфлю, чтобы в следующий момент их безжалостно прихлопнуть.

– Сматываемся отсюда, – приняла поспешное решение девушка.

– А как же автограф?

– Не очень-то он мне и нужен...

Разумеется, Диане Данилевской были видны «хитрые» маневры ее поклонниц. Кстати, поклонниц чего? Всего несколько месяцев тому назад она без ложной скромности могла заметить: «Моего таланта, черт возьми! А чего же еще?» Но времена изменились. И теперь, глядя

в горящие от любопытства глаза людей, она не могла сказать определенно, читали ли они хотя бы страницу из ее книг, или их принесла в зал заседаний волна газетной шумихи, поднятой вокруг ее имени. Они казались совсем не такими, какими она привыкла видеть своих читателей. Те, другие, конечно, тоже могли быть всякими: мягкими, доброжелательными – и жесткими, непримиримыми; почитателями ее романов и безжалостными критиками. Одни хвалили ее язык, другие ругали, первые восторгались красотой слога и увлекательностью сюжета, вторые спешили низвергнуть ее с пьедестала, заявляя, что все ее идеи не новы, а литературные приемы банальны до невозможности. Но все они не могли поспорить с главным: она была популярна и любима читателями. Что к этому можно было добавить еще?

Эти же странные люди, день за днем заполнявшие зал судебных заседаний, глазевшие на нее в коридоре, были иными. Их было много, и они казались назойливыми, болезненно любопытными. Они вызывали у нее такое же отвращение, какое обычно она испытывала к любителям чужих похорон, к милым, добрым старушкам, болтающим у подъезда и бесцеремонно разглядывающим скорбящих родственников. Это было невыносимо, и ей хотелось, наплевав на все приличия, отпустить в их адрес что-то совсем не литературное. Иногда Диана задавала себе вопрос, что бы произошло, если бы она пренебрегла условностями и изложила свои мысли по этому поводу в коротком и ясном непристойном выражении. Представив, как вытянутся от изумления лица зрителей, она испытывала тихую радость. Как ей хотелось набраться наконец храбрости и проделать это! Но, к сожалению, она была слишком хорошо воспитана. Или все же труслива?

Положа руку на сердце, любопытство зрителей можно было понять. Такой сюжет они могли увидеть разве что в кино, ведь действительность была куда бледнее вымысла. Так было всегда, но только не в ее случае. Дело Дианы Данилевской словно сошло со страниц захватывающей книги, автор которой решил закрутить сюжет до предела, как пружину. Публика изумлялась и негодовала. Автор серии остросюжетных романов сама совершила убийство! Это невероятно, но она отправила на тот свет свою лучшую подругу. В деле была пикантная особенность, которую охотно смаковала пресса: задолго до совершения преступления автор сама описала его в своей очередной книге – совсем как в фильме «Основной инстинкт»! Такой холодный расчет поражал воображение даже законченных циников. По всей видимости, криминальный талант госпожи Данилевской проявился куда раньше литературного. Ведь если бы не дотошность следователей, странное происшествие с подругой писательницы могло бы по-прежнему числиться в статистике несчастных случаев...

Диана снова надела очки. Глупая затея, конечно, укрываться под тонированными в бронзовый цвет стеклами в тщетной надежде на то, что так ее никто не заметит. Ветер гнал по небу серые обрывки облаков, и солнечные очки в пасмурный весенний день могла носить только она. Но Данилевская чувствовала себя спокойнее уже оттого, что никто из этого пестрого людского муравейника не сможет увидеть ее глаз.

Она закурила сигарету, но, заметив, что руки дрожат, сердито отбросила ее в сторону. Признаться, она могла бы воспользоваться и урной. Тем более один из журналистов уже скорчил презрительную гримасу. Еще бы! Известная писательница мусорит где попало. Неудивительно, что ее обвиняют во всех этих страшных вещах.

Долой образ рафинированной дамочки!

«Ты слишком правильная, – выговаривала ей когда-то подруга Ольга. – При тебе нельзя ни сплунуть, ни выразиться от души. В наше время кисельных барышень не особо жалуют».

Так она и говорила – «кисельных» вместо «кисейных», беззлобно подтрунивая над впечатлительной Данилевской. В этом была вся Ольга... Где она теперь? Лежит под могильным камнем, а ветер колышет над ней траву. Она ушла в небытие, как птица в небо, оставив ей в утешение воспоминания и небывалую известность. Успешная писательница, каких немало,

стала после ее смерти редкой знаменитостью. Сначала скудные сообщения в прессе о гибели скалолазки, прообраза известного литературного персонажа из романа Данилевской «Прыжок в бездну», подхватило телевидение. Тема оказалась занятной, а слухи о необычном происшествии росли и множились, превращаясь на глазах в гигантский снежный ком. Общественность была взбудоражена. Книжки Данилевской смели с книжных прилавков в один день, а ее рейтинги подскочили до небес. Судебный процесс по делу автора побил все рекорды популярности и оставил далеко позади громкий скандал в отношении крупного политического деятеля, поимку очередного серийного маньяка и даже землетрясение в Китае. Если кто-нибудь несколько месяцев назад мог предсказать Диане, что ее фотографию напечатают на обложках всех самых известных журналов, она бы только недоверчиво улыбнулась. Она всегда была равнодушна к славе и, пользуясь любым удобным случаем, пыталась засветиться перед камерами. Теперь же все перевернулось с ног на голову. Журналисты сами бегали за ней, предлагая неслыханные деньги за интервью. Они обрывали ей телефон, караулили около дома, а на днях муж обнаружил несколько особо предприимчивых экземпляров сидящими на дереве аккуратно напротив их спальни. Если бы не странное оцепенение, охватившее ее в дни ожидания решения суда, Данилевская могла бы сколотить себе значительное состояние. Но, измотанная до предела, с воспаленными от бессонницы глазами, она ждала развязки всей этой чудовищной истории, спрашивая себя: стоила ли та необычайная слава, которую она в конце концов получила, гибели женщины, которую некогда она считала едва ли не сестрой...

Павел Максимов на этот вопрос мог ответить категорично, без лишних раздумий. Нет, никакая слава не стоила тех испытаний, которые свалились на голову его бедной жены в последние месяцы. Пожалуй, он переживал даже больше, чем она. Он похудел, осунулся, а под его глазами появились мешки, покрытые тоненькой сеточкой первых морщин. Что до него, то он знал определенно, что его Диана не нуждается в известности и больших деньгах. Он любил ее такой, какой она была до всей этой шумихи: милой, чрезвычайно ранимой, немного наивной и бесконечно желанной. Иногда, чтобы сделать им приятное, их называли красивой парой, но он знал, что ему немного льстят. Конечно, они оба были высокие, стройные, темноглазые и темноволосые, и отдаленно казалось, что их вылепили из одного теста – не это ли признак идеальной пары? Но Диана была куда ярче его, намного интереснее и более живой. Он казался бледной тенью на ее фоне, и это его изрядно огорчало, особенно в тот период, когда их отношения только начинались. Потом стало легче.

Они жили тихо и счастливо в своем небольшом домике с палисадником. Вечерами она писала свои книжки, а он готовил ужин. Потом они долго сидели на крыльце, наслаждаясь закатными часами, и говорили, говорили... Он рассказывал о том, как прошел день. Она пересказывала ему сюжет очередного романа. Никто им не был нужен. От детей было бы много шума, и хрупкая гармония семейной жизни нарушилась бы из-за их капризов, вечных соплей и грязных штанишек. Какой человек в здравом уме предпочтет тихим семейным вечерам обычную суматоху большой семьи?

От друзей тоже было бы немного проку. Глупые вечеринки за полночь и пустые разговоры ни о чем кого угодно выведут из себя. Павел давно выставил за порог всех любителей дружить домами и немного огорчился оттого, что жена не хотела последовать его примеру. Конечно, Диану трудно было упрекнуть в чрезмерной общительности, но одна ее подруга, Ольга, портила им жизнь подобно целой дюжине друзей. Она заявлялась всегда не вовремя, громко говорила в своей обычной категоричной манере, беспричинно смеялась, да еще смотрела на него, хитро прищурив свои зеленые глаза. О мертвых, конечно, не принято говорить дурно, но Павлу казалось, что их жизнь без Ольги была намного гармоничнее. Например, кто посоветовал жене подписывать свои книги девичьей фамилией? Все она, эта чертова подруга.

«Подумай, дорогая, – говорила она, попыхивая сигаретой. – Когда-нибудь ты станешь знаменитой. Что тогда ты будешь делать с этой его фамилией *Максимова*?» Фамилию его предков она произносила как-то особенно, презрительно сморщив нос, точно в самом ее звучании ей уже слышалось что-то неблагозвучное. «Этих Максимовых по миру – пруд пруди! Другое дело – Данилевская. А, как звучит? И какое сочетание: *Диана Данилевская*. Я даже вижу смелый росчерк – „Д. Д.“ – на обложках твоих книг. То, что нужно для звезды!»

Это она заразила Диану звездной болезнью, заставив ее поверить в блестящее будущее. А ведь было время, когда его жена скромно преподавала английский в спецшколе и мечтала только о летнем отпуске. Как счастливы они были тогда! Оседлав велосипеды ранним летним утром, они наматывали километры до ближайшего пляжа. Лежа на пушистых белых полотенцах, они дурачились, посыпая друг друга песком. Он и сейчас помнит ее горячее, нагретое солнцем тело, мягкие настойчивые губы. Конечно, до дома они не выдерживали. Бросив велосипеды в траву, они уединялись в лесу, где и занимались любовью под пение птиц и журчание ручья. Усталые, но счастливые, они возвращались домой, где ждал их любимый вишневый сад и терпкое домашнее вино. Он кормил ее вишней с рук, нежил в своих объятиях, баюкал, как дитя, ночью. Она отвечала ему взаимностью. Им не было дела ни до кого вокруг. Телефон молчал неделями, и их это абсолютно не волновало.

Ну а потом пришла к ней эта слава, ставшая серьезным испытанием для их отношений. Нет, он не ревновал ее к успеху, искренне полагая, что его Диана заслуживает всего самого лучшего. Он готов был прозябать в безвестности, ничуть об этом не переживая. Но ее книги воровали у них драгоценное время, которое они могли бы проводить вместе. И пришла пора, когда вместо тихого поцелуя и долгой прелюдии на ночь он услышал раздраженное: «Ложись один. Мне еще нужно поработать».

Он был обижен, но терпел, понимая, что должен это делать ради нее. Конечно, теперь он мог бы извлечь из ситуации немалую радость, повторяя, что он предупреждал ее раньше: «Дорогая, это не доведет до добра. Известные и богатые никогда не бывают счастливыми. За все нужно платить». Так и вышло. Теперь у нее есть слава, которой позавидует самая раскрученная звезда. Забвение ей отнюдь не грозит. Но счастлива ли она?

Он смотрел на усталое лицо Дианы и физически ощущал себя больным. А что, если судья сочтет ее виновной? Что станет тогда с ним? Во что превратится его жизнь без нее?

Ответ был так страшен, что по его телу пробежала долгая судорога. Без Дианы у него не будет жизни. Во всяком случае, она ему будет не нужна...

Елизавета Дубровская, по здравом размышлении, должна была радоваться тому вниманию, которое ей уделяет пресса. Быть адвокатом в таком громком деле, как это, – огромная удача. Тем более если учесть ее молодость и сравнительно небольшой опыт. Конечно, госпожа Данилевская могла нанять для себя крутого профессионала, но, как это часто бывает, свою роль в вопросе приглашения защитника сыграло близкое знакомство писательницы с семьей Елизаветы. Кроме того, адвокату-женщине было куда проще доверить некоторые личные тайны. В общем, это был совсем недурной вариант в глазах многих, но только не самой Дубровской. Спору нет, к двадцати восьми годам она заработала репутацию молодого способного адвоката, но в отличие от многих ее коллег она не успела еще обрасти броней самодовольства и каждое свое новое дело воспринимала как экзамен. А что будет, если она провалит защиту и Данилевскую отправят в тюрьму? «Дело закончилось великолепно. Адвокат на свободе. Жулик в тюрьме», – поговаривали ее коллеги, шутками прикрывая свое поражение в очередном процессе. Дубровская так не могла. Она готова была разделить участь своей подопечной и даже провести на нарах, скажем, год. Но, как известно, за плохую защиту за решетку не сажают. Адвокаты уходят домой, унося с собой свой позор и свою беспомощность. Так будет и с ней, если суд сочтет, что ее доводы звучат бледнее, чем эффектные обвинения прокурора. Жур-

налисты, которые сейчас охотно берут у нее интервью, поспешно прилепят ей ярлык неудачницы, и, если даже вся ее последующая жизнь окажется чередой блестящих судебных побед, громкое поражение ей запомнят навсегда. «Это та, продувшая дело Данилевской», – скажет кто-нибудь. И остальные понимающе кивают головами: «Помним, помним! Бедная писательница, кажется,хватила сполна, а все только по вине этой растяпы!»

Елизавета вздрогнула от очередной вспышки фотоаппарата. Черт возьми, могли бы предупредить! В последний раз, когда ее снимок опубликовали в газете, она разозлилась не на шутку. «Адвокат Данилевской в растерянности», – гласила надпись, и оспорить ее было трудно. На самом деле лицо Дубровской казалось задумчивым и серьезным, словно она пыталась в уме сложить сроки наказаний, причитающиеся ее подзащитной по каждой из статей Уголовного кодекса. Правда казалась куда прозаичнее. В этот день Елизавета не успела позавтракать, и в тот, не самый подходящий для съемки момент она пребывала в растерянности. Успеет ли она за получасовой перерыв перекусить в ближайшем кафе, или ей опять придется утолять голод бутербродом из киоска? Стоит только представить, что они напишут в этот раз, запечатлев кислое выражение на лице адвокатессы: «Дурные предчувствия», или: «В ожидании катастрофы».

Зря она себя так накручивает. Ведь, если разобраться, финал судебного поединка еще не ясен. Может, она даже выйдет победительницей, как бывало не раз. А может... К чему думать о дурном? Тем более что ближе к окончанию процесса она поняла многое из того, что выходило за пределы официальной версии убийства. Если ее догадки окажутся верны, то сенсация обеспечена. Вот тогда она охотно продемонстрирует камерам свою улыбку! А сейчас... она взглянет в лицо журналисту так, словно он забыл отдать ей денежный долг. «Настоящая мегера!» – подумает он и будет прав.

Прокурор был опытен и красноречив. Конечно, при обычных обстоятельствах он не стал бы тратить время на то, чтобы пересыпать свою речь цитатами из древних мудрецов и ссылками на классиков юриспруденции. Но сегодня зал судебных заседаний был напичкан представителями прессы, как гранат косточками, и государственный обвинитель не хотел произносить шаблонные фразы. Победа, как он считал, была у него уже в кармане. Его речь вездесущие журналисты обязательно растащат на цитаты. Значит, требовалось предпринять еще несколько усилий для того, чтобы громкий финал этого уголовного дела воспринимался всеми как исключительно его заслуга.

– ...Многие полагают, что наказание должно быть обязательным возмездием за причиненное зло, – говорил он, проникновенно глядя на симпатичную журналистку в первом ряду. – Но я лично так не считаю. Ведь иногда даже преступление дает нам шанс задуматься – стоит ли карать человека, поправшего закон? Например, вы защищали свою жизнь, но переборщили по части самообороны. Так бывает. Стоит ли калечить вам жизнь, отправляя вас за решетку? Станете ли вы от этого лучше, чище, правильнее?

Журналистка тихонько покачала головой. Прокурор почувствовал себя счастливым.

– Конечно, нет! Так давайте же отбросим лекала и штампы и воздадим каждому по заслугам. Поощрим того, кто оказался в ловушке жизненных обстоятельств, но накажем того, кто взял на себя смелость решать вопросы жизни и смерти другого человека. Известная писательница Диана Данилевская убила подругу по причине ревности и мести за утраченную любовь.

Женская половина зала горестно выдохнула.

– Ах, эта любовь! – патетически воскликнул прокурор, чувствуя в себе пробуждающийся драматический дар. – Есть мнение, что все зло в мире совершается во имя любви... Но, боюсь, я не могу с этим согласиться. Ради этого светлого чувства люди совершают подвиги. В любов-

ных муках они создают прекрасные шедевры музыки, литературы и изобразительного искусства. Наша подсудимая тоже создала... Сценарий смерти! Отдаю ее творение на ваш суд...

...Ольга стояла у обрыва, и свежий весенний ветер трепал ее волосы. Она шурилась то ли от солнечных лучей, пробивавших себе дорогу между острыми пиками скал, то ли оттого, что не могла скрыть презрительную гримасу, искажившую ее красивое лицо почти до неузнаваемости.

– Убирайся прочь, – сказала она, четко выговаривая слова. – Тут нам нечего обсуждать. Ты мне больше не сестра и не подруга.

– Нас разделил мужчина, – эхом ответила я, наблюдая, как внизу, за ее спиной, курится туман. Он пахнул сыростью и землей, навевая на меня могильный холод. – Нас двое, а он один. Если ты проявишь хоть каплю благоразумия, мы распутаем этот клубок.

– Что ты понимаешь под благоразумием? – криво улыбнулась она.

– Ты можешь уйти, забыть его. Сделать вид, что ничего и не было. Я тоже забуду, и мы останемся подругами. Как раньше. Как было всегда.

– Неувязочка, дорогая, – сказала она со злой усмешкой на губах. – Я буду одна, а ты останешься с ним? Лихо придумано, а главное – очень благородно с твоей стороны!

– Но ты же знаешь, я ждала его всю жизнь, – проговорила я, чувствуя, что слова становятся тяжелыми, как этот влажный, промозглый туман, пробирающий меня почти до костей.

– Какая досада! Только позволь напомнить тебе: ты замужем! – Она ткнула в меня пальцем. – Стало быть, ты не особо томилась своим ожиданием. Тебя ждет дома муж. Так возвращайся же к нему!

– Ты не должна со мной так говорить, – заметила я, с ужасом понимая, что мой голос дрожит. – Тебе бы лучше помолчать!

– «Тебе лучше помолчать!» – передразнила она. – Бедняжка считает, что мне нужно осторожнее подбирать слова! А то что случится? Побежишь жаловаться своему мужу? «Эта дрянь опять плохо со мной разговаривала»? Или начнешь плакаться любовнику, давя на его жалость? Только давай будем справедливыми. Я у тебя жениха не уводила!

Ольга повернулась ко мне спиной и села на самый край обрыва, свесив вниз ноги, обутые в мягкие скальные туфли. Она красноречиво дала мне понять, что разговор окончен и продолжения не будет. А я стояла и смотрела на ее прямую, гордую спину, на развевающиеся волосы, из которых шальной ветер уже вытряс все шпильки.

Вдруг камушек, мелкий острый осколок скалы, выкатился откуда-то из-под ее ноги и, не удержавшись на краю, полетел вниз. Он разрезал воздух, устремляясь в бездну, отскакивал от препятствий и вновь продолжал свое неумолимое падение вниз. Я не видела его. Зато слышала звук, становившийся все тише и глуше. *Все падает вниз.* Но Ольга этой истины, казалось, не хотела знать. Она замерла над бездной, как гордая горная птица, и смотрела куда-то за горизонт, всем своим видом демонстрируя полную отрешенность и безразличие.

Я никогда бы не села так, как она. Может, всему виной чрезмерно развитое воображение? Я никогда бы не смогла расслабиться, зная, что за моей спиной стоит человек. Пусть он будет мне родным отцом, самым лучшим другом или любовником. А вдруг? Зыбкость границ между миром жизни и смерти завораживает, искушает поднять завесу самой главной тайны. Легкий толчок в спину, сиюминутная слабость – и уже ничего не поделаешь. Мгновения не текут вспять. Я никогда бы не села так, зная, что за спиной стоит человек, которого раздирают противоречия, который, помещая на свои весы любовь и ненависть ко мне, сам не знает, какая чаша окажется тяжелее.

Но такова была сущность моей бывшей подруги. Ольга всегда была сильнее меня. Она презирала мою слабость, демонстрируя это и сейчас – своей гордой и прямой спиной. Она не

оборачивалась, чтобы малодушно проверить, стою ли я на прежнем месте или иду с протянутыми руками к ней. Она была выше этого.

И внезапно меня охватила паника. Мне никогда не совладать с ней! Она одержит победу и на этот раз. Она окажется сильнее. Сердце билось в груди неровными толчками. Мне казалось, что она услышит его звук и обернется. Руки стали горячими. Я уже не ощущала холода, а видела прямо перед собой только ее прямую спину в красной куртке...

Все произошло быстро. Я даже не услышала ее крика. Над обрывом все так же гулял ветер, шевеля траву. Я встряхнула головой, словно пытаюсь отогнать кошмар, а потом тихонько подошла к краю обрыва и заглянула вниз. Туман затягивал все внизу ватной пеленой, милосердно прикрывая своими клубами дно ущелья. Огромные валуны выступали из белого молока, как мрачные далекие острова среди безжалостного моря. Они казались такими далекими из-за тумана... На самом деле они были гораздо ближе. Я посмотрела вниз, затем вновь себе под ноги, на тот край, где минуту назад сидела Ольга, и вдруг почувствовала, что вокруг меня все плывет, а сама я горю огнем. По шее сбегала струйка пота, в то время как холодный туман окутывал меня сырой могильной влагой. Перед глазами заплескали черные точки. Я испугалась и отошла от края, словно опасаясь, что бездна засосет и меня в свое голодное чрево.

Я не чувствовала сожаления, только страшную слабость и усталость. Ольга не сможет мне больше помешать. Ольги больше нет. Я убила ее пять минут назад...

– Итак, это финальная сцена романа писательницы Данилевской, сотворенная ею за три месяца до гибели Крапивинной Ольги, – сказал прокурор, громко захлопывая книгу. – Конечно, вы услышите еще доводы защиты, которая будет утверждать, что все это – страшное совпадение и нелепая случайность. Но, уважаемый суд и достойная публика, мы опираемся в своем обвинении не только на эту книжку, но еще и на показания свидетелей и данные экспертиз, которые, как разрозненные фрагменты мозаики, воссоздают целостную картину совершенного преступления. Диана Данилевская виновна, и, полагаю, весь ход судебного следствия показал справедливость предъявленного ей обвинения. А теперь о наказании...

В зале наступила тишина. Было слышно лишь тихое поскрипывание ручек по бумаге и потрескивание диктофонов. Журналисты хотели зафиксировать слова прокурора слово в слово.

– Когда речь идет о подобных трагедиях, сопутствующих любви, обвинение склонно учитывать смягчающие факторы и толковать все сомнения в пользу подсудимых. Но, учитывая все обстоятельства этого дела, а именно – холодный расчет госпожи Данилевской и, в связи с этим, ее особую опасность для общества, я не нахожу оснований просить суд применить к ней минимальный срок наказания, предусмотренный по части первой статьи сто пятой Уголовного кодекса. Полагаю, что четырнадцать лет, проведенные ею в неволе, станут достойным наказанием за совершенное ею преступное деяние – убийство человека...

«Четырнадцать лет... четырнадцать... цать», – зазвучало эхом в голове, и Диана почувствовала, что теряет под ногами опору и несется куда-то вниз, в пропасть, увлекаемая неумолимой снежной лавиной, некогда описанной ею в своем первом романе «Скалолазка».

Она неслась вниз, не ощущая боли, не чувствуя себя в границах своего тела. Диск солнца в кружеве снежных облаков то взлетал куда-то ввысь, то стремительно падал вниз, и теперь уже она мчалась ему навстречу. Падение длилось секунды или века. Она видела заросший лопухами двор своего детства и деревянный остов сломанной ребятей горки. В ее ушах звучала любимая мелодия матери «Одинокий пастух», а затем – оглушительная трель школьного звонка. Девочка с растрепанными кудрями улыбалась ей с задней парты, а прилизанный, словно сошедший с картинки журнала «Семья и школа» одноклассник шептал ей на ухо: «Это

новенькая. Держись от нее подальше». Взлетали вверх школьные тетрадки, уносились вдаль сорванные листочки календаря.

Она снова видела здание педагогического института и бронзовую фигуру Горького, удерживающего в руках шляпу. Мелькали огни дискотек, подсвечивая водоворот знакомых смеющихся лиц. Потом все затягивало мраком, и только знакомый мужской голос цинично спрашивал: «У тебя будет ребенок? А меня ты спросила?» Рыдания теснили дыхание, но их заглушал торжественный марш Мендельсона. Белая фата, кольца. Все как у людей.

Потом она взмывала в поднебесье и видела Эльбрус – двуглавого гиганта, которого один ее добрый знакомый сравнивал с большой женской грудью. Диана жмурила глаза, ослепленная пологими снежными склонами. А чей-то мягкий, но настойчивый голос твердил: «Солнечная слепота лечится примочками из спитого чая». Кто он, этот человек с мужественным обветренным лицом, стоящий теперь на вершине скалы и удерживающий в руках веревку? Кто она, чью жизнь он так бережно сейчас страхует? В красном комбинезоне, гибкая и сильная, она тянется к нему из последних сил. Последний рывок, но у нее из-под ноги вырывается нагруженный камень. Она повисает, балансируя над бездной. Веревка рвется, словно подрезанная ножом. Та, что падает теперь, выписывая смертельные пируэты, та, чья кожа обдирается о камни, очень похожа на Ольгу. «Ты убила меня», – говорит ее последний взгляд. Ну что же, видно, одной из них суждено было погибнуть. Хотя, если разобраться, в этом сейчас нет никакого проку. Ах, если бы сейчас можно было все вернуть назад! Может быть, тогда все сложилось бы по-другому...

Глава 2

Несколько месяцев назад

Елизавета Дубровская трудилась в своей адвокатской конторе, приводя в соответствующий вид исковое заявление в суд. Нельзя сказать, что это занятие вдохновляло ее, скорее всего оно являлось рутинной составляющей адвокатской профессии, которую так и хочется переложить на чужие плечи. Но Елизавета была молода, работала без помощников и всю черновую работу вынуждена была выполнять сама. Разумеется, когда-нибудь, через несколько лет, когда она станет крутым профессионалом судебной защиты, у нее будет собственная юридическая фирма, где под ее началом будут работать начинающие адвокаты. Вот тогда она с удовольствием водрузит на свои плечи работу в суде, переложив на молодежь всю бумажную волокиту.

Елизавета на минуту отвлеклась, соображая, что лучше: быть молодым защитником и смиренно нести все тяготы своей неопытности и юношеского максимализма или же срывать овации в суде, гонять помощников по роскошному офису, но тратить большие гонорары, отыскивая чудесное средство против старения? Решив, что лучше быть молодой и преуспевающей, Дубровская яростно набросилась на треклятое заявление, убеждая себя, что эта работа ей очень нравится. Разумеется, она с большим энтузиазмом взялась бы вести сейчас какое-нибудь интересное уголовное дело, но, как назло, все, что ей предлагали в последнее время, было мелким и несерьезным. Взять, к примеру, супругов А. и Б. в деле о разделе совместно нажитого имущества. Какая скука охватывала ее каждый раз, когда жена начинала скулить по поводу каждой пропавшей у нее прищепки, подозревая, разумеется, бывшего мужа. Тот отвечал ей сторицей, обвиняя супружницу в вероломном хищении у него чудесного молотка. После многих бесплодных попыток найти истину Дубровской очень хотелось, схватив этот самый молоток, громко брякнуть им по столу, призвав мужа и жену к порядку. Лиза была в ужасе, когда поняла, что занималась бы делом охотнее, если бы в один не самый прекрасный день А. убил Б. Ну, или наоборот: Б. прикончила бы А. Непринципиально. Во всяком случае, ей было бы тогда над чем работать и она бы точно знала, что не теряет время попусту.

Конечно, Дубровская никому не говорила о своих кровожадных идеях, но где-то в голове прочно засела мысль, что с ней не все ладно. Может, так и начинается профессиональная деформация личности? Говорят же, общаясь с душевнобольными людьми, психиатр начинает проявлять некоторые признаки ненормальности. Может, в таком случае и адвокат по уголовным делам, защищающий убийц и насильников, через год или два плодотворной работы начинает лучше понимать своих клиентов? Что до самой Елизаветы, неистребимую тягу к совершению преступлений она пока что в себе не ощутила, но вовсе не возражала бы, преподнеси ей кто-нибудь интересное дельце прямо на блюдечке и, как водится, с голубой каемочкой.

Павел Максимов вовсе не походил на того самого благодетеля с заветным уголовным делом из ее грез. Он был высоким и худощавым, с умными, глубоко посаженными карими глазами и аккуратной редкой бородкой. Разумеется, он был близорук и носил очки, потому что на его переносице четко виднелся розовый вдавленный след, но почему-то при адвокате он предпочел оставаться без них. Быть может, он ненавидел в себе этот дефект? Кто знает. Но, щурясь, он становился таким беспомощным и безобидным, что даже Елизавета испытывала неловкость.

Наличие высшего образования, а может, даже и ученой степени, пропечатывалось на его лбу так же четко, как и след от очков. «Законченный ботаник», – сказали бы о нем безапелляционно многие из представителей молодого поколения. Но Дубровская была более гуманна. «Инженер или педагог», – сделала она для себя вывод при первом знакомстве и, как выясни-

лось, не ошиблась. Павел работал в компьютерной фирме и весь мир видел только через монитор своего рабочего инструмента. Но он был бесконечно добр и мягок.

– Я по поводу своей жены, – сказал он. – Вы должны ей помочь.

– Разумеется, – ответила Лиза, пытаясь отгадать, о чем пойдет речь дальше. Конечно, их одолел квартирный вопрос или, быть может, на горизонте замаячила перспектива наследства. Вероятен также трудовой спор или какая-нибудь семейная мелочь. Она уже заранее чувствовала, что ее скулы сводит от зевоты.

– Ее зовут Диана Данилевская, – произнес клиент с таким выражением, словно ожидал увидеть изумление на лице адвоката, а потом всплеск рук и громкое: «Не может быть!»

– Красивое имя, – проговорила Лиза будничным тоном.

– Вы, конечно, читали об ее деле в газетах, – сказал он утвердительно. – В последнее время все только о ней и пишут.

Дубровская посмотрела на мужчину внимательнее и наконец сообразила, что это дело обещает выйти за рамки нудного гражданского законодательства. Она начала лихорадочно перебирать по памяти передовицы последних газет, понимая, что от ее находчивости зависит успех всего будущего мероприятия. А что, если ее клиент проявит нетерпение и перебежит за помощью к другому, более осведомленному, адвокату? Вон ее коллега Ромашкин уже вытянул шею, стараясь не пропустить ни слова из чужого разговора.

Итак, кто такая эта Данилевская? Коррупцированная чиновница? Медицинский работник, проявивший халатность и погубивший больного? А может, она сама пострадала в результате преступления?

– Это известная писательница, – произнес сладким голосом коллега. – Она пишет женские романы.

– Верно, – кивнул головой мужчина. – Только, боюсь, Диане не понравилось бы, если бы ее назвали «женской писательницей». Понимаете, в некоторых вопросах она бывает очень щепетильной. Вы же не называете Конан Дойля «мужским автором» и забываете о том, что незабвенная Агата Кристи – женщина, когда наслаждаетесь ее детективными историями? Конечно, Диана не классик, но ей всегда хотелось надеяться, что ее книги читают представители обоих полов.

– Как это правильно, – ответил Ромашкин, всем своим видом демонстрируя понимание и лояльность. – Я в курсе всей этой газетной шумихи и полагаю, у вашей супруги есть неплохие шансы выйти из этого дела победительницей, да еще и взгреть кое-кого за причиненный моральный ущерб. Почему бы нам не обсудить детали?

Это был случай вопиющего нарушения профессиональной этики, когда один адвокат вероломно переманивает к себе чужого клиента. Дубровская даже рот приоткрыла от подобной наглости. Конечно, будь она зрелой и заслуженной профессионалкой, этот хлыщ в модных ботинках вряд ли осмелился бы перейти ей дорогу. Но молодых иногда оттесняют в сторону. Особенно молодых женщин.

– Благодарю. Но я не нуждаюсь в ваших услугах, – неожиданно резко произнес «ботаник». – Я пришел к Елизавете Германовне!

Это было невероятно! У Дубровской едва не закружилась голова от охватившей ее эйфории. На время она даже забыла про гнусный поступок коллеги Ромашкина. Правда, врожденная скромность не позволила ей уверовать в то, что до странного клиента дошла слава об ее громких подвигах на судебном поприще. Все-таки она еще очень молода и вряд ли успела стать легендой в юридическом мире.

Разгадка не заставила себя долго ждать.

– Я участвовал в компьютерном оснащении офиса вашего супруга, – сказал клиент скромно. – Андрей Сергеевич сказал, что вы – адвокат. Как видите, эта информация оказалась полезной.

Дубровская почувствовала слабый укол разочарования. Все-таки было бы лучше, если бы клиент пришел к ней, услышав об ее репутации.

– Видите ли, – продолжал Максимов. – Мы нуждаемся в хорошем специалисте и порядочном человеке. Зная вашего супруга, я верю, что вы этими качествами обладаете в полной мере. Кроме того, вы – женщина...

Он замялся, подбирая выражения, и даже хрустнул костяшками пальцев. Откровенность давалась ему не так легко.

– Это дело... так сказать, несколько личного свойства. Вы наверняка это потом поймете. И мне бы не хотелось, чтобы в нашем семейном белье копался кто-нибудь посторонний. – Он с неприязнью взглянул в сторону Ромашкина, который старательно изображал, что он читает деловые бумаги. На самом деле его шустрые глазки бегали вдоль и поперек строчек, а уши были выдвинуты в стороны, как локаторы.

– Хорошо. Ваши доводы мне понятны, – сказала Елизавета. – Но скажите, в конце концов, в чем обвиняется ваша писательница детективов? Надеюсь, не в плагиате?

– А я и не сказал? – удивился мужчина. – Плагиат тут ни при чем. *Диана совершила убийство...*

– Что я говорю! – опомнился он, и его лицо исказила гримаса отчаяния. – Я повторяю чужие слова. Так пишут в газетах. Но она никого не убивала! Поверьте, я знаю Диану!

Дубровская Диану не знала и даже предположить не могла, как автор женских романов смогла так вляпаться и попасть под столь серьезное обвинение. Ей также было известно, что родственники обвиняемых редко отдают себе отчет в реальности совершенного преступления и порочности близкого человека. Они бьют себя в грудь и клянутся, что произошло недоразумение, какая-то следственная ошибка и их милый, дорогой, любимый, единственный здесь совсем ни при чем; что порочные следователи только и грезят о том, чтобы упечь за решетку невинного человека и тем самым поправить статистику раскрываемости. Подобное, конечно, случается, но далеко не так часто, как пытаются себе представить обыватели, напуганные милицейским произволом. Поэтому она не стала брать на себя неблагодарное занятие и разуверять человека, обратившегося к ней за помощью, а просто и без эмоций спросила:

– Так кого она убила? Ох, простите... Вернее сказать, что за убийство вменяют ей в вину?

– Убийство Крапивиной Ольги, – произнес Максимов, глядя на нее исподлобья. – Вся нелепость этого утверждения вам будет понятна сразу же, если сказать, что они были лучшими подругами.

– Да, действительно, – нерешительно поддакнула Елизавета, решив умолчать о том, что в истории криминала подобные происшествия все же не редкость. – Ну а мотив? Должно же было следствие установить, чем руководствовалась ваша жена, совершая преступление?

– Диана не совершала убийство, – упрямо повторил Максимов.

– Ну да, конечно, – поспешно поправилась Елизавета. – Но мне важно знать позицию следствия.

– Диана, к несчастью, оказалась на месте происшествия. Это произошло в горном лагере. Она обнаружила труп подруги и подняла тревогу. Это же естественно, верно?

– Разумеется, – подтвердила Лиза. – Диану задержали сразу же?

– Нет, – покачал головой Максимов. – Несчастье произошло осенью, в сентябре. Диану задержали два дня назад.

– Как странно, – искренне удивилась Дубровская. – Значит, с самого начала она даже не была подозреваемой? Получается, у них не было доказательств ее виновности.

– Их нет и сейчас, – убежденно заявил Максимов. – Диана никого не убивала! То, что произошло с Крапивиной, – всего лишь несчастный случай. Такое случается сплошь и рядом в горах. Ольга была альпинисткой. Я думаю, этим все сказано.

– Мне нужно поговорить с вашей женой, – решительно заявила Дубровская, поднимаясь. – Где я могу встретиться с ней?

– Полагаю, что сейчас она в изоляторе временного содержания. – Лицо Максимова вновь омрачилось. – Вы должны вызволить ее оттуда! Это такое ужасное место! Диана не может там находиться.

– Это будет нашей первой задачей, – согласилась Елизавета, прекрасно сознавая, что обязательство, которое она на себя берет, может оказаться невыполнимым. Убийц редко выпускают на свободу до суда. Такова практика. Но как сказать об этом человеку, который смотрит на тебя как на свое последнее спасение?

Изолятор временного содержания прятался на задворках «милицейского городка», в подвале одного из корпусов уважаемого заведения. Находясь в просторных рабочих кабинетах с европейскими стеклопакетами, трудно было представить, что несколькими этажами ниже, в тесных, душных казематах, обитают не только крысы и тараканы, но еще и живые люди. Часть из них, в форменной одежде, давно смирилась с непривлекательным местом работы, где в окрашенные в поносный цвет стены уже впиталась невыносимая вонь. Узники тем более не имели права выбора и находились здесь по принуждению, надеясь, что в скором времени крохотное оконце в клеточку заменит точно такое же, но уже в следственном изоляторе. В лучшем случае, если повезет и вместо содержания под стражей милосердный суд определит залог, некоторые счастливики увидят настоящее небо – без клеточек и тюремных «ресничек».

На это адвокат Дубровская рассчитывала в наименьшей степени, затворяя за собой тяжелую дверь казенного учреждения. Она показала удостоверение дежурному и вежливо кивнула головой молодому энергичному человеку в модном костюме «со строчкой». В этих стенах он выглядел как пижон, и Дубровская сразу преисполнилась неприязни к нему, полагая, что с подобным «щеголем» следствие будет вести непросто.

– Следователь Красавин, – представился он, церемонно наклоняя голову. – Вы наверняка желаете увидеть вашу подзащитную?

– Не откажусь, – сказала Лиза. – Хотя я собиралась с ней переговорить для того, чтобы обсудить позицию защиты. Внешние данные моей клиентки меня абсолютно не интересуют.

– А вы забавная, – хмыкнул Красавин. – Ну, все-таки взгляните.

Он жестом подозвал ее к первой по коридору двери. Они зашли внутрь следственного бокса. Там было пусто. Елизавета открыла было рот, чтобы спросить у весельчака-следователя, что он задумал, как вдруг, через прозрачное стекло в стене, увидела соседнюю комнату, где за дощатым, привинченным к полу столом сидела молодая женщина. Она смотрела на них, но как-то странно, немного отрешенно и словно видя их *насквозь*.

Елизавета кивнула головой и доброжелательно улыбнулась. Женщина не обратила на нее никакого внимания.

– Я ваш адвокат, – сказала Лиза, для достоверности прикладывая руку к своей груди. Вдруг бедняжка лучше воспринимает жесты?

Обвиняемая даже не шелохнулась.

Дубровская демонстративно громко хлопнула перед собой папкой с бумагами. Эффект тот же. Ноль внимания.

Однако следователь Красавин как-то подозрительно заерзал на своем месте. Казалось, он пытается сдержать смех.

– Она что, глухонемая? – спросила Елизавета, удивляясь, что заботливый супруг Максимов забыл сообщить ей эту немаловажную деталь. Если так, то ей придется нелегко! Без переводчика им не обойтись.

– В каком-то смысле вы правы, – ответил Красавин, подавляя неумное веселье. – Она не слышит и не видит нас.

– Глухонемые и слепые не бывают *в каком-то смысле!* – невежливо перебила его Дубровская. – Они всегда в одном смысле. Так, я не поняла: что случилось с моей клиенткой?

– Ну, ладно, простите мне этот маленький спектакль, – утер слезу следователь, продолжая сотрясаться от смеха. – Просто установили новую аппаратуру. Хотелось понаблюдать эффект.

– Какую аппаратуру? – поперхнулась Елизавета, чувствуя себя подопытным кроликом.

– Для проведения опознания, – пояснил Красавин. – Ну, вы же сами про такую штуку знаете! С одной стороны – зеркало. С другой стороны – стекло. Так вот, госпожа Данилевская любит сейчас своим отражением, не подозревая, что в этот момент на нее смотрят люди из Зазеркалья.

– Очень смешно! – возмутилась Дубровская. – Эксперименты решили ставить на живых людях, да? Вам не совестно?

На самом деле ей было неловко за собственную глупость. Конечно, она слышала про подобные «хитрые зеркала» и даже видела примеры в кинофильмах, но, когда ей пришлось столкнуться с таким на практике, проявила непростительную дремучесть. Удивительно, но цивилизация все-таки пришла в этот подвал, в котором было так сыро и уныло, как некогда в казематах инквизиции. Раньше, как ей было известно из собственного опыта, некоторые особо изобретательные следователи проводили опознание через шторку в окошке двери. Таким образом предпринимались меры по защите свидетеля или потерпевшего, наотрез отказывающегося встречаться с преступником лично. Это было примитивно, но действенно.

– Ну да ладно, – примирительно произнес следователь. – Я вовсе не желал вас обидеть. Вам наверняка самой хотелось узнать, что за птица эта ваша новая подзащитная. Так вот я вам предоставил замечательную возможность понаблюдать за ней со стороны.

– И что можно сказать о человеке, наблюдая за ним, как вы говорите, со стороны? – спросила Дубровская, все еще злясь из-за того, что веселый следователь выставил ее в глупом свете.

– Многое, – заявил тот. – Вы знаете о такой науке – физиогномике? Это умение определять характер человека по внешности.

– Это лженаука, – решительно заявила Елизавета. – Внешность человека бывает обманчива.

– Ну, не скажите, – не согласился Красавин. – Для опытного наблюдателя заметить скрытые пороки человека не так сложно, как это кажется на первый взгляд. Но что мы спорим? Давайте просто поглядим на госпожу Данилевскую и сделаем выводы. Каждый – свои. А потом сопоставим результаты? Идет?

– Подсматривать за человеком, не подозревающим, что за ним следят, – это как-то нехорошо, – неуверенно сказала Лиза, тщетно пытаясь вспомнить, содержит ли Кодекс профессиональной этики адвоката прямой запрет на этот счет.

– А я пишу работу по психологии убийства, и мне, как исследователю, важны такие наблюдения, – вдруг признался Красавин.

Дубровская посмотрела на следователя с интересом. Надо же, поначалу она восприняла его, как пижона, щеголяющего модной строчкой там, где принято одеваться скромнее. Но, видимо, этот Красавин не столь примитивен, как ей показалось на первый взгляд. Получается, это она не умеет разбираться в людях?

– Ну что же, давайте попробуем, – неожиданно для самой себя согласилась Елизавета, вспомнив про свою начатую диссертацию, заброшенную теперь куда-то на антресоли. В конце концов, ее тоже можно назвать исследователем!

Дубровская испытала легкое разочарование, оттого что ее ожидания не оправдались. В воображении молодого адвоката успешная писательница должна была выглядеть как-то иначе. Разумеется, Лиза знала, что Данилевская еще молода. Стало быть, мудрый проницательный

взгляд и особая одухотворенность на ее лице могут проявиться позднее. Но Диана выглядела так прозаично – в этой своей джинсовой куртке, огромной, словно с чужого плеча, тонком шерстяном свитере и несвежих спортивных брюках. Волосы ее были заправлены под резинку, что делало ее почти неотличимой от других женщин, грубых и озлобленных, содержащихся под стражей за убийства, разбои, грабежи. Взгляд Данилевской казался слегка затуманенным, потухшим и полным абсолютной безнадежности.

Это была усталая, измученная женщина, выглядевшая много старше своих законных тридцати лет, и если бы Дубровской пришлось ответить на вопрос: похожа ли обвиняемая Данилевская на человека, способного совершить особо тяжкое преступление, ей вряд ли бы пришел в голову однозначный ответ.

– Ну что, – спросил Красавин. – Полагаю, мы можем закончить наши физиогномические наблюдения? Итак, что скажете вы?

– Вы – автор идеи, вам и начинать, – уклончиво ответила Лиза, донельзя огорченная своей неспособностью к анализу.

– Как хотите, – улыбнулся он. – Итак, госпожа Данилевская – молодая и привлекательная женщина. Не удивлюсь, если у нее есть поклонники, причем не из числа почитателей ее книг. Бедняга муж, должно быть, порядком извел себя ревностью при такой-то жене.

– Стоп! – воскликнула Лиза. – С чего вы это взяли? Я видела Максимова и даже говорила с ним. Поверьте, он сломлен нынешним положением Дианы и думает только о том, как выволить ее на свободу. Меньше всего он производил впечатление человека, снedaемого ревностью. Кроме того, посмотрите на Данилевскую! Мне кажется, она выглядит... м-м-м... не слишком привлекательно.

– Это поверхностный взгляд, – отмахнулся Красавин. – Вы замечаете только то, что очевидно сейчас. Грязные, спутанные волосы. Лицо, осунувшееся от переживаний и недосыпа, да еще и без единого грамма косметики. Припухшие глаза. Неопрятную одежду, лоснящуюся от сидения на тюремных нарах. Смотрите дальше... Мысленно умойте свою подзащитную, распустите по плечам ее шикарные каштановые волосы, нанесите немного помады на губы и туши на ресницы. Накиньте на ее плечи шелковый халат с изящным пояском. Ну, каково?

Дубровская с опаской посмотрела на фетишиста в обличье прокурорского следователя. Она могла голову отдать на отсечение, что ее собственный муж, взглянув на Данилевскую, не задержал бы взгляда даже на тридцать секунд, а уж мысленно распускать ее грязные волосы по опущенным плечам... Бр-р, бред какой-то!

Красавин улыбнулся Елизавете, словно угадав ее мысли.

– Вы забываете о том, что делает с людьми неволя. Тем более с женщинами. Ну-ка, представьте на минуту, каково это – спать не на ортопедическом матрасе у себя дома, а на деревянной доске в казенном учреждении и не знать при этом, что лучше: снять с себя куртку и подложить ее под себя или же все-таки укрыться ею для того, чтобы немного согреться? После одной такой ночи, да еще в обществе не самых приятных товарок, личико даже самой писаной красавицы приобретет землистый цвет, а красивые глазки превратятся в поросычи щелочки.

– Ну да бог с ней, с ее внешностью, – сказала уязвленная Дубровская. Ей было досадно, что следователь увидел в ее подзащитной гораздо больше привлекательных черт, чем удалось ей самой. – Скажите лучше, видите ли вы в облике Данилевской какие-то скрытые пороки? Способна ли она совершить убийство?

– Сложный вопрос, – отозвался Красавин. – С одной стороны, в ее внешности нет ничего из того, что перечислял старина Ламброзо, описывая облик настоящего преступника. У нее симметричное лицо, правильный овал и довольно изящные черты. С другой стороны, вы обратили внимание на ее поведение?

Поведение?! Лиза подумала, что она ослышалась. О каком поведении могла идти речь, если за все время, пока они делились друг с другом своими наблюдениями, Данилевская сидела, как пришпиленная к месту, вперив мутный взгляд в зеркало?

– Диана не знает, что мы за ней наблюдаем, но, даже оставаясь в одиночестве, она не может расслабиться, – продолжил следователь. – Она напряжена, как натянутая струна. Вы видите, она кусает губы? Смотрите, она сжимает пальцы так, что белеют костяшки.

Дубровская и правда обратила внимание на то, что руки писательницы, лежащие на столе и сомкнутые в замок, находятся тем не менее в постоянном, непрерывном движении. Пальцы сжимались и разжимались, и даже через стекло было видно, как белеют суставы. Однако, как это Красавин все замечает?

А он тем временем продолжал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.